

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(510)

О. Н. Борох

**ДИСКУССИЯ О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ КИТАЯ В НАЧАЛЕ 1930-х годов:
ОТ «ВЕСТЕРНИЗАЦИИ» К «МОДЕРНИЗАЦИИ»**

Институт Дальнего Востока РАН,
Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр., 32

Статья выявляет место дискуссии о модернизации в журнале «Шэньбао юэкань» (июль 1933 г.) в формировании взглядов китайской общественной элиты на путь развития страны. Поставленные журналом вопросы о препятствиях для модернизации и выборе между «индивидуализмом» и социализмом стимулировали переход от обсуждения проблем культуры к темам экономического развития. Значение дискуссии раскрыто в контексте споров 1930-х годов и с учетом оценок современных китайских исследователей. Изучение материалов обсуждения показывает, что большинство участников отказались от идей свободной рыночной экономики и выступили за государственное регулирование в интересах осуществления модернизации Китая. Сделан вывод, что участники опроса стремились найти китайский путь модернизации, учитывая экономические, политические и культурные особенности страны. Библиогр. 30 назв.

Ключевые слова: республиканский Китай, модернизация, социализм, индивидуализм, интеллигенция.

**DEBATING THE PATH OF CHINA'S DEVELOPMENT IN THE EARLY 1930s:
FROM "WESTERNIZATION" TO "MODERNIZATION"**

O. N. Borokh

Institute of Far Eastern Studies RAS, 32, Nakhimovskij pr., Moscow, 117997, Russian Federation

The article defines the place of discussion about modernization in *Shenbao yuekan* (July 1933) in process of formation of views of Chinese public elite on the path of national development. Questions about the obstacles for modernization and the choice between "individualism" and socialism proposed by the journal have stimulated transition from debating cultural issues to the themes of economic development. The significance of debate is highlighted against the backstage of disputes of the 1930s and in relation to the views of contemporary Chinese scholars. Analysis of materials of discussion demonstrates that the majority of participants rejected the idea of free market economy and supported state regulation as main tool of China's modernization. The author concludes that the participants of discussion strived to find the Chinese path of modernization that takes into account national specifics in economy, politics and culture. Refs 30.

Keywords: Republican China, modernization, socialism, individualism, intellectuals.

Задача «модернизации» (*сяньдайхуа*) занимает ведущее место среди приоритетов развития современного Китая. Исторически это понятие вошло в общественно-политическую лексику в республиканский период в 1930-е годы. Решающую роль в популяризации идеи «модернизации» и выявлении ее содержания сыграло обсуждение, организованное в 1933 г. журналом «Шэньбао юэкань» [1].

В 1920-е годы внимание китайских интеллектуалов было сосредоточено на проблеме «вестернизации». Под влиянием «Движения 4 мая», возникшего в 1919 г., давшего импульс глубокой и всесторонней критике китайской традиционной культуры, стремление к обновлению и развитию Китая сводилось к призывам усвоить духовные и материальные достижения Запада. Упоминания о «модернизации» были редкими. В 1926 г. понятия «модернизация» и «вестернизация» появились вместе в книге Лю Кэшу для описания процессов развития Турции и ее стремления соответствовать «уровню стандартов цивилизованных стран мира» [2, с. 337].

Влиятельный мыслитель и общественный деятель Ху Ши в 1931 г. использовал понятие «модернизация всем сердцем» (*whole-hearted modernization*) в докладе, произнесенном и опубликованном на английском языке. Призывая к обновлению Китая, он указывал: «Япония в начале реформ всем сердцем приняла западную цивилизацию, и у Японии нет причин сожалеть об этом, поскольку за этот короткий период модернизации всем сердцем она преуспела в решении некоторых наиболее серьезных проблем национальной обороны и экономической бедности» [3, с. 80]. Однако эти рассуждения были частью призыва к неограниченным заимствованиям у западной цивилизации, что сделало «модернизацию» синонимом «вестернизации».

1. Предпосылки обсуждения модернизации

Агрессивное поведение Японии, экономический спад в пострадавших от мирового кризиса развитых странах Запада, успешная реализация первого пятилетнего плана в СССР стали основными факторами формирования нового подхода к развитию Китая. Стимулом для смещения акцента из области культуры и просвещения в направлении экономики, общества и политики послужило начало японской оккупации северо-востока Китая в сентябре 1931 г.

Смена воззрений нашла отражение в редакционных материалах «Шэньбао юэкань», разъяснивших причины постановки вопроса о модернизации и определивших направление обсуждения. Исходным стал тезис о том, что за несколько столетий промышленная революция создала новую технику, которая по своим возможностям превосходит старую. В прошедших через промышленную революцию передовых странах обновились не только техника и методы производства, там возникла также новая организация общества. Китайцы живут в нищете и страдают от иностранной агрессии потому, что «другие государства уже “модернизировались”, а Китай во многих аспектах остается косным и замкнутым в своей скорлупе» [4].

Организаторы обсуждения признали, что вопросы «как спасти Китай» и «с чего Китаю начинать движение вперед» — не новы. Они возникли еще в середине XIX в. после поражения в Опиумных войнах. Тогда поиски ответа на них привели к возникновению «движения за усвоение заморских дел», заимствованию западной техники, появлению концепции «китайской основы и западного применения» (*чжун ти си юн*). Прошли десятилетия, но в развитии экономики и укреплении военного

потенциала успехи незначительны, ситуация становится угрожающей. «Надо понять, что если Китай в области производства не будет продвигаться в направлении “модернизации”, то будет не только “недостаток войск”, но и “недостаток еды”. Всей нашей нации будет трудно избежать поражения в естественном отборе, злого рока, когда после тысячи бед уже не возродиться» [5, с. 1].

Новой была поставленная редакцией журнала дилемма выбора между капитализмом и социализмом. У возникшей в результате промышленной революции на Западе социальной организации современного капитализма «из-за небывалого мирового экономического кризиса проявились недостатки, она была поколеблена» [4]. Участникам дискуссии следовало определить, должна ли «модернизация» Китая проходить по старому пути промышленных держав или стране надо искать новый путь. Основой для обсуждения стали два вопроса: «(1) Каковы трудности и препятствия для модернизации Китая? Какие предварительные условия необходимы для того, чтобы способствовать модернизации? (2) Какой способ должна использовать китайская модернизация: индивидуалистический или социалистический? Должна ли это быть модернизация, которой способствует иностранный капитал, или стихийная модернизация с помощью национального капитала? Какие шаги необходимы для реализации этого способа?» [5, с. 1].

Второй вопрос нацеливал участников обсуждения на выбор между капиталистическим «индивидуализмом» западного типа и социалистическими преобразованиями советского образца. Большинство экспертов отказались поддержать капитализм со свободной рыночной экономикой, высказавшись в защиту социализма или смешанной экономики с государственным контролем. Лишь один исследователь выступил за «индивидуализм». Всего в журнале было опубликовано 26 мнений экспертов, получивших вопросы от редакции.

Предпосылкой вопросов «Шэньбао юэкань» была трактовка модернизации как всеобщего процесса, который западные страны прошли несколько столетий назад. Исключение темы «вестернизации» привело к тому, что проблема взаимодействия культур Китая и Запада играла в ходе дискуссии малозаметную второстепенную роль, участники обсуждения не считали культуру ключевым фактором модернизации. Современные китайские исследователи отмечают, что «в ходе этой дискуссии модернизация рассматривалась главным образом как вопрос экономического развития», поиск выхода для Китая переместился из сферы культуры в сферу экономики, произошел переход от споров о преимуществах и недостатках культур Китая и Запада к обсуждению проблем модернизации [6, с. 82].

Специалист по китайской теории модернизации Ло Жунцюй пришел к выводу, что в 1930-е годы в Китае произошла смена концептуального языка интеллигенции. Воплощением этой перемены стала дискуссия в «Шэньбао юэкань», в которой можно выявить смену акцентов сразу в двух направлениях — от вестернизации к модернизации и от обсуждения соотношения культур к выбору пути развития [7, с. 377–378].

Китайские авторы отмечают, что этот поворот не был внезапным. Понятия «сяньдайхуа», «цзиньдайхуа» (модернизация) и «сяньдай гоцзя», «цзиньдай гоцзя» (современное государство) часто встречались в публикациях либеральных интеллектуалов в еженедельном журнале «Дули пинлунь», созданном в 1932 г. Чаще других их использовали историк Цзян Тинфу, социолог и антрополог Чэнь Суйцзин, а также Ху Ши [8, с. 197]. Различие состояло в том, что в «Шэньбао юэкань» обсуж-

дение модернизации сосредоточилось на выборе социально-экономической модели и защите экономического суверенитета Китая, а в «Дули пинлунь» дискуссии затрагивали главным образом вопросы политики, культуры и образования.

Влияние публикаций «Дули пинлунь» на обсуждение в «Шэньбао юэкань» могло быть лишь опосредованным. Среди участников опроса о модернизации не было представителей группы либеральной интеллигенции во главе с Ху Ши, публиковавшейся в «Дули пинлунь». Исключением стал лишь известный социолог Тао Мэнхэ, который был к ней близок в 1920-е годы.

В материалах опроса «Шэньбао юэкань» можно найти критику авторов «Дули пинлунь», призывавших использовать иностранную помощь в развитии Китая. В апреле 1933 г. Цзян Тинфу заявил, что «дни реальной модернизации уже наступили. Если мы сможем в ходе модернизации всеми силами стремиться к европейскому и американскому капиталу и техническому сотрудничеству, наш прогресс неизбежно будет чрезвычайно быстрым» [9, с. 4]. Осуждение Лигой Наций агрессивных действий Японии в Маньчжурии породило у китайской либеральной интеллигенции надежды на расширение международной поддержки Китая. Ху Ши отмечал: «Мы должны полностью осознать эту обстановку, после чего сможем смело использовать европейский и американский капитал и техническое сотрудничество для содействия модернизации Китая» [10, с. 7–8].

Один из участников обсуждения — редактор журнала «Дунфан цзачжи», профессор Фуданьского университета Чжан Лянфу — подчеркнул, что призывы «группы “Дули пинлунь”» к модернизации Китая «под международным управлением» абсолютно неприемлемы. Он также упомянул книгу китайского экономиста Вэй Тиншэна «Пример использования иностранного капитала в экономическом развитии трех стран Южной Америки», посвященную опыту развития Аргентины, Бразилии и Чили [11]. По мнению Чжан Лянфу, подобная модернизация для Китая также недопустима, поскольку «многие малые страны Южной Америки превратились в придатки двух больших империалистов — Великобритании и США» [12, с. 4].

Ху Ши подверг критике тематический выпуск «Шэньбао юэкань» на том основании, что призыв к выбору между «индивидуализмом» и социализмом отразил неоправданное увлечение идеологическими конструкциями («-измами»). Еще в 1919 г. мыслитель выступил с призывом «поменьше говорить об “-измах” и больше изучать проблемы». В 1933 г. он вновь призвал отказаться от идеологических споров и сосредоточить усилия на сложной и длительной работе по созданию в Китае жизнеспособного государства. «В процессе этой большой работы могут быть использованы как подспорье и выборочно применяться все инструменты, все кадры, все знания, все теории и “-измы”, все институты и способы. Это подобно возведению здания: можно использовать разные материалы, независимо от того, откуда они происходят; можно нанимать разных мастеров, независимо от того, под каким названием или вывеской они работают. Но нельзя забывать, что проблема состоит в строительстве этого здания. Если все забудут о главной теме, то мотыга будет драться с пилой, плотник — ссориться с каменщиком, а мрамор — расправляться с гранитом, и это здание нельзя будет построить» [13, с. 356].

С точки зрения Ху Ши, обсуждение в «Шэньбао юэкань» оказалось безрезультатным, поскольку прежде чем говорить о «сяньдайхуа» (модернизации) следовало прояснить смысл понятия «сяньдай» (современность, модерн). «Что такое “сформи-

ровавшийся сяньдай»? Европа и Америка до 1917 г. уже не могут называться «сяньдай»? Советская Россия после 1917 г. — это «сформировавшийся сяньдай»?» [13, с. 352].

Ученый полагал, что в начале XX в. у китайских реформаторов не было столь значительных разногласий в представлениях о западной цивилизации. Импульс к пересмотру оценок дала революция в России, породившая у китайской молодежи сомнения в ценности индивидуализма и неизбежности частной собственности. «Если не следует заимствовать того, что было до 1917 г. в западной цивилизации, то тогда не стоит быть привязанным к работе по реформированию, которую мы проводили несколько десятков лет... Если частная промышленность и торговля не должны существовать, то тогда всему производству в Китае остается только остановиться и спокойно ждать появления китайских Ленина и Сталина» [13, с. 354]. По мнению Ху Ши, проявившиеся различия в понимании модернизации и ее цели запутывают ситуацию и затрудняют практические действия.

Истоки негативного отношения редакции «Шэньбао юэкань» к капиталистическому пути развития следует искать в специфике самого журнала и окружавшей его интеллектуальной среды. Главным редактором созданного в 1932 г. ежемесячника «Шэньбао юэкань» был известный журналист Юй Сунхуа (1893–1947), который в 1920 г. вместе с Цюй Цюбо побывал в России и одним из первых рассказал о развитии ситуации после Октябрьской революции. В 1930-е годы шанхайская интеллигенция проявляла повышенный интерес к советской модели, и журнал активно стремился удовлетворить этот запрос. Еще до публикации тематического выпуска о модернизации в «Шэньбао юэкань» была создана рубрика «Ситуация в Советской России» («Суэ сяньчжуан»), в библиотеке журнала опубликована книга «Изучение Советского Союза» («Суянь яньцзю») (см. [14, с. 42]).

Китайский исследователь Чжэн Дахуа отмечает, что в прошлом в Китае при изучении социалистических идей республиканского периода обращали внимание лишь на взгляды левой интеллигенции под руководством КПК. Симпатии к социализму и советскому опыту, которые выражали в начале 1930-х годов редакторы периодических изданий и университетская профессура, оставались неисследованными. Однако без учета этих взглядов невозможно в полной мере уяснить источники влияния социалистических идей в Китае, выявить исторические предпосылки представлений о социалистической плановой экономике [15].

2. Социализм и капиталистический «индивидуализм»

Обсуждение в «Шэньбао юэкань» выявило неприятие китайской общественной элитой 1930-х годов пути «индивидуализма», которому следовали при проведении модернизации развитые капиталистические страны. Мотивы критики «индивидуалистической» экономики западного типа были разными — построенная на классовом подходе уверенность в превосходстве социализма, опасения по поводу несовместимости хаотической природы рыночного хозяйства с необходимостью провести ускоренную модернизацию в соответствии с планом, разочарование в неспособности развитых стран сопротивляться негативному воздействию мирового кризиса. Распространенные в то время в Китае антиимпериалистические настроения сфор-

мировали настороженный подход к использованию иностранного капитала для модернизации.

Логику рассуждений сторонника государственного регулирования выразил экономист Чжан Суминь, получивший докторскую степень в Университете Пенсильвании. Он заявил, что «модернизация» государства в узком смысле означает индустриализацию: «Всякое модернизированное государство является индустриализованным. Что касается того, нужны ли демократия в политике, а Иисус в религии — это с модернизацией не имеет обязательной связи. Япония является модернизированным государством, но в политике там нет чистой демократии, а японская религия — это тем более не Иисус» [16, с. 43].

По мнению Чжан Суминя, при выборе модели модернизации Китаю следует учитывать опыт других стран, свидетельствующий, что «индивидуалистический капитализм» ушел в прошлое и в XX в. многие страны перешли к «регулируемому капитализму». Это означает, что все отрасли экономики подвергаются регулированию или ограничению со стороны правительства либо создаются самим правительством, что полностью противоположно политике *laissez-faire* Адама Смита. Китаю необходимо быстро догнать другие страны по уровню экономического развития, поэтому следует избежать повторения чужих ошибок. «Метод индивидуализма в наших планах модернизации должен быть отброшен, в этом нет никаких сомнений» [16, с. 44]. Поскольку социализм советского типа Китаю не подходит, остается лишь один путь — регулируемый капитализм, у которого есть более благозвучные имена «государственный социализм» или «социал-демократизм» [16, с. 45].

С призывом к взаимному дополнению достоинств капитализма и социализма в процессе осуществления индустриализации выступил Чжу Цинлай — профессор университетов Дася, Гуанхуа и Китайского национального университета в Шанхае. «У социализма и индивидуализма есть свои достоинства, надо взять преимущества каждого, не следует быть пристрастным» [17, с. 29]. Не существует однозначного ответа на вопрос о том, должны ли предприятия находиться в общественной собственности (*гун ю*) или же следует вести частное хозяйство (*сы ин*). Все производства в масштабах страны можно разделить по характеру на те, где лучше использовать частную собственность, и те, которым больше подходит общественная собственность. Чжу Цинлай считал неверным утверждение, будто предприятия частной формы собственности заботятся исключительно о собственной выгоде и не обращают внимания на общую пользу. Равным образом не соответствует реальности мнение, что казенные предприятия заботятся исключительно об общей пользе и не стремятся к собственной выгоде [17, с. 29].

Профессор Фуданьского университета и Китайского национального университета в Шанхае Фань Чжунъюнь поставил акцент на государственном контроле как основном признаке социалистической экономики. Он полагал, что прежняя трактовка модернизации как промышленной революции, опирающейся на использование механизированного производства для освоения природных богатств, остается актуальной, однако прежние планы добиться этого за счет развития по пути капитализма остались в прошлом. «Условием промышленной революции в Китае должен стать государственный контроль (*гоцзя тунчжи*), целью должно стать благосостояние всего народа, это предельно отличается от капиталистической эпохи, где предпосылкой были свободное хозяйство и индивидуальные интересы» [18, с. 5].

Политика государственного вмешательства выглядела в начале 1930-х годов более убедительной, чем экономический либерализм. Профессор философии Университета Сунь Ятсена в Гуанчжоу Чжу Боин призывал к плановому и комплексному преобразованию экономики Китая с опорой на собственные ресурсы и кадры. «Естественное» хаотическое развитие рыночного хозяйства Китаю не поможет, поскольку обладатели капитала вкладывают его куда захотят: сегодня вдруг решат построить металлургический завод, а завтра — создать авиакомпанию. При капитализме отрасли развиваются неравномерно, особенно заметен разрыв между промышленностью и сельским хозяйством, что приводит к экономическим потерям. Главным фактором в модернизации Китая выступает «единое» (*тунъи*) строительство, которое ведется по общему плану [19, с. 79].

Представительным сторонником некапиталистического пути развития был экономист Дун Чжисюэ, получивший образование в Колумбийском университете. Он полагал, что лозунг социализма в Китае выдвигать рано. В стране уже сложились некоторые условия для развития капитализма, однако ему препятствуют опирающийся на колониальный рынок международный империализм и эксплуататорская система феодального типа. «Китай не капиталистическое общество в чистом виде, и ему не нужна социалистическая революция; это не феодальное общество в чистом виде и поэтому ему не нужно развитие по пути капитализма американского и европейского типа; это промежуточное между ними смешанное общество, и ему можно и необходимо избрать некапиталистический курс» [20, с. 58].

Большой интерес представляют суждения Гу Чуньфаня, допуская параллельное существование на территории Китая капиталистической и социалистической экономики. Ученый, работавший в почтовом министерстве, предлагал остановить гражданский конфликт между Гоминьданом и КПК, позволив коммунистам проводить в советских районах эксперимент по социалистической контролируемой экономике. Он надеялся, что мирное соревнование двух систем внутри Китая убедит людей в преимуществах контролируемой экономики и поможет постепенно перейти к социализму. Дискуссия проходила летом 1933 г., когда до решающего наступления гоминьдановских войск на Центральный советский район оставалось менее года.

Гу Чуньфань предлагал найти компромисс и не стремиться к насильственному объединению страны, в чем он не видел необходимости: «В современной ситуации осуществление контролируемой экономики возможно только путем экспериментов в маленькой сфере (например, одна или две провинции), только она не должна быть очень маленькой — тогда станут невозможны самообеспечение и создание экономической единицы, этот маленький район будет малым Китаем» [21, с. 23].

Ученый называл советские районы «экспериментальными» и призывал наладить мирные отношения между подконтрольным КПК «малым Китаем» и «большим Китаем». Он подчеркивал, что локальный эксперимент по введению контролируемой экономики — это исключительно мирное строительство, не имеющее агрессивной подоплеки. Гу Чуньфань полагал, что подобное начинание принесет быстрый экономический эффект и улучшит жизнь людей. Если наступит мир, каждая сторона сможет задействовать все силы для развития производства. «Таким образом, от сравнения плюсов и минусов в ходе вооруженных конфликтов будет сделан переход к сравнению плюсов и минусов в экономическом строительстве, народ страны естественно сможет сделать окончательный выбор» [21, с. 24].

Лишь один участник дискуссии в «Шэньбао юэкань» выступил в поддержку либерально-рыночной модернизации Китая. Это был Тан Цинцзэн — получивший образование в США авторитетный экономист и глубокий знаток экономической мысли древнего Китая. Он подчеркивал, что сельскохозяйственный Китай отличается от промышленно развитых стран Запада, эволюция китайской экономики началась с опозданием, поэтому экономическая организация еще не достигла уровня капиталистических обществ Европы и Америки. Следовательно, Китай невозможно модернизировать в один момент [22, с. 59]. В вопросе о выборе между индивидуализмом и социализмом ученый исходил из того, что «никакие учения и институты на свете не обладают абсолютной истинностью или ложностью — если они подходят государству А, они необязательно подходят государству Б» [22, с. 60].

Ученый полагал, что социализм применим лишь в тех странах, где в результате развития производства образовалось существенное неравенство между бедными и богатыми. Социализм обращает внимание на распределение, а главной проблемой Китая является неразвитое производство. По мнению Тан Цинцзэна, в экономической эволюции есть определенная последовательность. Для бедного государства, каким является Китай, первым шагом должен стать поиск способов увеличения богатства. По мере роста богатства его распределение постепенно становится неравным, и лишь тогда государство принимает меры регулирования, используя социализм. Преждевременный переход Китая к социализму лишит людей мотивации, нацеленной на извлечение прибыли, и тогда страна потеряет внутренние источники капитала. Ученый считал, что неприятие индивидуализма среди китайцев строится на неоправданном предубеждении, а при проведении экономической политики Китаю не нужно пытаться «метить высоко и устремляться далеко, копируя Советскую Россию» [22, с. 61].

3. Препятствия на пути модернизации

В обсуждении, организованном «Шэньбао юэкань», присутствовали проблемы культуры и традиции, хотя они не занимали первостепенного положения. Это проявилось в ответах на вопрос о препятствиях модернизации Китая. Хотя большинство участников видели помехи в области экономики, также были упомянуты унаследованные из прошлого привычки людей и недостаток образования. Эти рассуждения были близки к идеям «Движения 4 мая», призывавшего реформировать страну через просвещение и развитие культуры, в них также прослеживается связь со спорами начала 1920-х годов о достоинствах и недостатках китайской традиции и западной науки.

Известный экономист, профессор Уханьского университета Ян Дуанью указал, что важной предпосылкой модернизации является подготовка людей, способных пользоваться современной техникой и пригодных для выполнения сложных государственных задач. Он заметил, что в сознании интеллигенции со времен реформ конца XIX в. укоренился тезис о «спасении государства с помощью материального» (*учжи цзю го*), согласно которому обладание техникой и оружием позволит Китаю вырваться из бедности и защитить себя от угрозы извне. Однако препятствием для развития стали взгляды и нравы правящей элиты, которой присущи «отсталые идеи», религиозность, «глубокое падение морали», взяточничество, взаимная про-

текция, nepoтизм. В этой ситуации Китаю трудно сделать выбор между двумя моделями развития. С одной стороны, для введения сильной централизованной власти и перехода к контролируемой экономике или советскому социализму стране недостает настоящего вождя. С другой — для успеха либеральной модели Китаю недостает народа, способного воспринять ценности индивидуализма. «Если мы сейчас захотим учиться у Германии, Италии, России, то у нас нет Гитлера, Муссолини, Сталина. Если мы захотим учиться у Великобритании и Америки, то у нас нет свободных и просвещенных масс» [23, с. 2]. Чтобы подготовить условия для модернизации, Ян Дуанью рекомeндовал вести просветительскую работу не только в стенах учебных заведений, но и в обществе, с помощью газет помогая ему формировать правильную точку зрения.

О культурных и психологических препятствиях на пути модернизации высказался сторонник либерально-рыночного пути развития Тан Цинцэн. Он указал на «антиэкономическое» поведение китайцев, склонных к азартным играм и незаконному предпринимательству. В общественной сфере модернизации препятствует система большой семьи, которая сформировала глубоко укорененные клановые воззрения и породила психологию зависимости [22, с. 59]. По мнению ученого, в головах людей сохраняется приверженность старому, в то время как модернизация нацелена на утверждение нового. Привычка к отторжению и вытеснению иного приводит к тому, что новые типы предприятий в Китае не развиваются. Любовь к комфортной жизни и нежелание трудиться породили у китайцев стремление получать незаработанные блага и стали источником спекулятивной деятельности. Личное тщеславие оказалось причиной того, что отсталое производство XVIII в. сосуществует в Китае с потреблением XX в. [22, с. 60].

Другие участники опроса называли главным препятствием модернизации противодействие со стороны иностранцев и поддерживающих их китайцев, призывали ускорить развитие за счет избавления от внешнего экономического угнетения и ликвидации внутри общества остатков феодального уклада. Настроенный в пользу социализма член Лиги защиты гражданских прав Чэнь Биньхэ заявил, что необразованность китайцев — не главная преграда для модернизации. Настоящей проблемой стали «марионетки», выступавшие как «инструменты империализма», — не только милитаристы, но и содействующие экономической агрессии империализма менеджеры, «модные высокопоставленные китайцы» [24, с. 10].

Чжан Лянфу считал, что модернизации препятствуют иностранные империалисты, а также живущие за их счет китайские милитаристы, чиновники и компрадоры наряду с остатками феодальных сил *тухао* и *лешэнь*. Против модернизации выступают образованные почитатели «руками качающего прялку» Ганди — лидера индийского движения за независимость, который собственным примером призывал соотечественников к домашнему кустарному производству ткани, чтобы тем самым нанести удар по британской текстильной индустрии. Модернизации мешают и те, кто рассуждает о гармонии китайской и западной культур, о «летающем на самолете Будде» (*Фо чэн фэйцзи*) [12, с. 4].

Весной 1933 г. с критикой идеи «летающего на самолете Будды», выдвинутой учащимися во Франции китайскими студентами, выступил в журнале «Лунь юй» писатель Линь Юйтан. Он назвал ее попыткой возродить старую теорию «китайской основы и западного применения». Внешне эта концепция выглядит привлекатель-

но — облаченный в традиционные одеяния китайский Будда перемещается на заграничной машине, которой управляет иностранный пилот. Создается впечатление, будто Китай — «хозяин» (*чжу*), а западная страна — «гость» (*бинь*), который за деньги обслуживает «хозяина». Однако, заметил Линь Юйтан, если вдруг однажды «заморский черт не захочет сделать для китайского хозяина самолет, китайский хозяин ничего не сможет предпринять» [25, с. 116].

Чжан Лянфу был уверен, что империалистические державы заинтересованы в закреплении за Китаем статуса полукolonии. От сбыта произведенных за рубежом товаров иностранцы перешли к ввозу капитала и созданию в Китае заводов, они используют дешевую китайскую рабочую силу и сырье, уклоняются от пошлин, продавая свой товар под маркой китайского. В результате современные отрасли промышленности в Китае находятся под иностранным влиянием, а предприятия с национальным капиталом подвергаются гнету со стороны империалистов [12, с. 4].

Другая точка зрения сводилась к тому, что объяснение промышленной отсталости Китая нужно искать внутри страны. Экономист Чжу Цинлай заявил, что для победы в конкуренции с иностранцами китайцам надо самим прилагать усилия для изменений в сфере политики и экономики. Ученый отметил, что «сначала тухнет вещь, а затем появляются черви», сначала люди унижаются сами, а затем их унижают другие. Чтобы изменить ситуацию к лучшему, нужно привести в порядок планы государства (*го цзи*), отменить многочисленные налоги и сборы, умело проводить таможенную политику, развивать ирригацию, обеспечивать безопасность внутри страны. Помимо этого, требуется развивать транспорт, поощрять освоение целинных земель, использовать достижения науки и техники. Если все это будет сделано, возродится промышленность страны, «внутренняя мощь укрепитя, и нечего будет бояться вторжения внешних сил» [17, с. 29].

Отдельные участники обсуждения были так сильно встревожены проявившимися в развитых странах негативными последствиями модернизации, что ставили под сомнение ее необходимость для Китая. Профессор социологии университета Дася в Шанхае У Цзэлинь полагал, что у модернизации есть неизлечимые недуги. Захват зарубежных рынков и колоний для увеличения источников богатства делает неизбежными войны между государствами. Экономические циклы в современных государствах приносят безработицу, что ведет к нестабильности в обществе. С этой точки зрения плюсы модернизации не покрывают ее минусов. Ученый пришел к выводу, что поиск нового еще не завершен, но Китаю не требуется модернизация, которая уже признала свое поражение. Вместо этого следует обратить внимание на зарождающуюся тенденцию социализации — она воплощает новую культуру, которая поддерживает и защищает современную материальную цивилизацию и призвана исправить существующее духовное варварство [26, с. 9].

4. Дискуссия о модернизации и современный Китай

Интерес исследователей к дискуссии 1933 г. о модернизации не ограничивается историей поворота китайской интеллигенции к социализму и государственному регулированию. После того, как в конце 2012 г. руководство КПК выдвинуло лозунг «китайской мечты», возникла потребность в поиске исторических корней этой «мечты». Тематический номер «Шэньбао юэкань» превратился в пример «создания

дискурса (*хуаюй цзяньгоу*) мечты о модернизированном могущественном государстве в Китае в новое время» [27, с. 41].

Сегодня в Китае стремятся найти истоки «китайской мечты» не только в пришедшей из-за рубежа теории марксизма и научного социализма, но прежде всего в собственных интеллектуальных поисках, даже если они не были связаны с деятельностью КПК. Современный акцент на приверженности Китая собственному пути развития повышает историческую ценность рассуждений сторонников модернизации с учетом китайской специфики. «Хотя люди с энтузиазмом относились к непрерывному подъему СССР того времени, однако многие представители интеллигенции понимали особую специфику Китая и указывали, что Китай не может копировать радикальную советскую модель социализма, а должен реалистично идти по постепенному пути» [27, с. 46].

Особое значение придается исторической преемственности «китайской мечты» и ее социальной базе. В «Шэньбао юэкань» была выражена «мечта элиты о модернизированном могущественном Китае», которая не обрела «мобилизационную силу» из-за отрыва от народных масс. Исследователи акцентируют внимание на том, что инициатором обсуждения выступила общественная элита, а не политические круги. Это помогает опровергнуть современные критические характеристики «китайской мечты» как искусственно созданного властями идеологического инструмента. Высказанная в 1933 г. мечта о модернизированном могущественном государстве не была поддержана широкими народными массами, вместе с тем она «имела определенную социальную основу» и не являлась «политической пропагандой государственного механизма». И в этом отношении она ничем не уступает «американской мечте», классическая формулировка которой появилась двумя годами ранее в книге американского публициста Джеймса Траслоу Адамса «Эпос Америки» (1931) [27, с. 47].

Китайские ученые также стремятся использовать тематический выпуск «Шэньбао юэкань», чтобы заявить о том, что концепция модернизации возникла в Китае в первой половине 1930-х годов, т. е. примерно на 20 лет раньше, чем на Западе (см., напр.: [7, с. 388; 6, с. 83; 28, с. 187]). По мнению Ли Хуайиня, между китайской и западной концепциями модернизации есть взаимосвязь — многие представители интеллигенции 1930-х годов учились в США, где восприняли представления об историческом прогрессе и эволюции общества. Однако «несмотря на видимое сходство с теорией модернизации в послевоенных США, дискурс модернизации возник среди китайских интеллектуалов в 1920-е и 1930-е годы прежде всего как ответ на повторяющиеся неудачи Китая после XIX в. и беспрецедентный кризис, который потряс нацию в 1930-е годы» [29, с. 44]. Если западная концепция модернизации была нацелена на проекцию за рубеж американской модели развития, то китайские поиски направлены на решение собственных проблем.

Участники опроса «Шэньбао юэкань» придерживались разных политических взглядов. На бессистемное многообразие (*у хуа ба мэнь*) собранных в журнале рекомендаций указывают сегодня китайские исследователи [7, с. 379; 6, с. 82]. Это вызвало неодобрительную оценку и у современников. В качестве примера отсутствия единого подхода Ху Ши упомянул имена и идеи конкретных экспертов: Тан Цинцзэн считал, что китайскому производству подходит частный капитализм (см.: [22]), а Лю Иньпу полагал, что экономический индивидуализм неприемлем (см.: [30]). В результате представления сторонников социализма и капитализма о направлении мо-

дернизации оказались несовместимыми. Они также не могли объединиться вокруг приоритетных «важнейших задач»: одни предлагали разгромить империализм, другие — идти войной на коммунистов, третьи — свергнуть власть Гоминьдана; одни хотели начать с развития образования, другие призывали купить за границей самолеты и пушки [13, с. 355].

Несмотря на очевидные различия, авторы тематического номера «Шэньбао юэкань» продемонстрировали высокую степень единства в неприятии «индивидуалистического» пути свободного рынка, призывая к экономическим преобразованиям и развитию производительных сил. «Это обсуждение можно рассматривать как небольшой опрос общественного мнения интеллектуальных кругов, он ясно отразил осознание китайскими интеллектуальными кругами опасности и их нечеткие представления о развитии в условиях двойного удара — со стороны мирового экономического кризиса и агрессии японского империализма» [7, с. 380].

Отказ интеллектуалов и общественной элиты от прежнего восприятия западной культуры как единственного идеала, к которому должен стремиться Китай, создал условия для обсуждения преимуществ и недостатков разных моделей, а «возникающий консенсус относительно многосторонней модернизации показывал углубляющееся внимание к социально-экономическим проблемам» [29, с. 42].

Публикация «Шэньбао юэкань» стала предшественником двух важных дискуссий, которые развернулись в конце 1933 — начале 1934 гг. Прежде всего, журнал способствовал повороту китайских ученых к углубленному изучению вопросов экономического развития. Профессиональные экономисты приступили к обсуждению перспектив создания в Китае регулируемой экономики, сопоставлению «контролируемой экономики» итальянского либо немецкого типа с плановой экономикой советского образца. Среди активных участников этой дискуссии были Чжан Суминь и Чжу Цинлай, высказавшие ранее свое мнение в тематическом выпуске «Шэньбао юэкань».

На фоне специализированного обсуждения проблем «контролируемой экономики» спор о модернизации выглядит как мировоззренческая дискуссия, в которой заметно влияние субъективных идеологических и культурных предпочтений ее участников. Однако это направление не было утрачено, поскольку тема экономического регулирования породила вопрос о способности власти Гоминьдана возглавить процесс модернизации. Либеральная интеллигенция развернула в «Дули пинлунь» дискуссию о «демократии и диктатуре». С опорой на исторические и политические аргументы ее участники пытались обосновать необходимость диктаторского правления либо, напротив, создания в Китае демократии англо-американского образца. Таким образом, дискуссия о модернизации дала импульс для обсуждения не только экономических, но и политических условий ускоренного развития страны.

Лишь со временем появилась возможность по достоинству оценить высказанные участниками обсуждения идеи, оставшиеся незамеченными на протяжении многих десятилетий. Утопическая по меркам 1930-х годов модель сосуществования капитализма и социализма в разных регионах Китая, предложенная Гу Чуньфанем, стала реальностью в 1990-е годы после возвращения Гонконга и Макао. Рекомендации оставшегося в меньшинстве Тан Цинцзэна раскрепостить заложенную в человеке тягу к экономической активности, сначала развивать производство и только потом думать о социалистическом распределении очень похожи на политику эко-

номических реформ в КНР 1980-х годов. Сохраняют актуальность и призывы Чжу Цинляя к созданию смешанной экономики, в которой есть место для развития государственных и частных предприятий. Акцент Тан Цинцзэна на постепенных преобразованиях выглядит в наши дни как предвестие градуалистского курса реформ в современном Китае.

Самым важным вкладом обсуждения модернизации 1933 г. в развитие китайской общественной мысли стало углубление понимания специфики Китая и необходимости ее учета при определении планов развития. Многие опрошенные «Шэньбао юэкань» эксперты подчеркивали, что Китаю не подходит западный капитализм. Одновременно росло осознание того, что добиться успеха путем копирования советской модели также не удастся. Участники опроса стремились найти китайский путь модернизации, учитывающий экономические, политические и культурные особенности страны.

Литература

1. Shenbao yuekan. Zhongguo xiandaihua wenti hao. Vol. 2, N7. 15.07.1933. 96 p.
2. Liu Keshu. Xin Tuerqi. 2nd ed. Shanghai: Shangwu yinshuguan, 1929. 410 p., app. 30 p.
3. Hu Shih. Conflict of Cultures // Hu Shi yingwen wencun — English Writings of Hu Shih. 2. Zhongguo zhexue yu sixiangshi / Hu Shi zhu; Zhou Zhiping bian. Waiyu jiaoxue yu yanjiu chubanshe. Beijing, 2012. P. 70–80.
4. Shenbao yuekan qi yue hao zhi xin gongxian — zengjia Zhongguo xiandaihua wenti teji // Shenbao yuekan. Vol. 2, N6. 15.06.1933. n. pag.
5. Zhongguo xiandaihua wenti teji // Shenbao yuekan. Vol. 2, N7. 15.07.1933. P. 1–2.
6. Huang Dan, Tang Changjiu. 20 shiji 30 niandai Zhongguo xiandaihua wenti lunzheng de yiyi he juxian // Shanxi gaodeng xuexiao shehui kexue xuebao. 2014. N7. P. 81–85.
7. Luo Rongqu. Xiandaihua xin lun: Shijie yu Zhongguo de xiandaihua jin Cheng (Zengdingben). Shangwu yinshuguan. Beijing, 2009. 546 p.
8. Huang Bolin. Zhishi fenzi yu 20 shiji 30 niandai de Zhongguo xiandaihua — yi “Duli pinglun” wei li // Hunan shehui kexue. 2008. N3. P. 197–202.
9. Jiang Tingfu. Changqi dikang zhong ruhe yunyong Guolian yu guoji // Duli pinglun. N45. 09.04.1933. P. 2–5.
10. Hu Shi. Ba Jiang Tingfu xiansheng de lunwen // Duli pinglun. N45. 09.04.1933. P. 6–8.
11. Wei Tingsheng. Nan Mei san qiang liyong waizi xing guo shili. Shangwu yinshuguan. Shanghai, 1931. 226 p.
12. Zhang Liangfu. Zhongguo xiandaihua de zhang'ai he fangshi // Shenbao yuekan. Vol. 2, N7. 15.07.1933. P. 3–4.
13. Hu Shi. Jianguo wenti yinlun // Hu Shi wenji. Vol. 11. Ouyang Zhesheng bian. Beijing daxue chubanshe. Beijing, 1998. P. 351–357.
14. Sun Hongyun. Zhongguo “xiandaihua” guannian suyuan — “Shenbao yuekan” de “Zhongguo xiandaihua wenti” taolun // Zhenzhou daxue xuebao (Zhaxue shehui kexue ban). Vol. 40, N2. March 2007. P. 38–43.
15. Zheng Dahua. 20 shiji 30 niandai zhishijie shehuizhuyi sichao luelun // Guangming ribao. 20.12.2012.
16. Zhang Sumin. Zhongguo xiandaihua zhi qiantu yu fangshi // Shenbao yuekan. Vol. 2, N7. 15.07.1933. P. 43–46.
17. Zhu Qinglai. Zhongguo shiye xiandaihua wenti // Shenbao yuekan. Vol. 2, N7. 15.07.1933. P. 28–29.
18. Fan Zhongyun. Zhongguo xiandaihua de weiyi qiantu // Shenbao yuekan. Vol. 2, N7. 15.07.1933. P. 4–5.
19. Yi Ying. Xiandaihua de zhenglu yu qilu // Shenbao yuekan. Vol. 2, N7. 15.07.1933. P. 78–81.
20. Dong Zhixue. Zhongguo xiandaihua de jiben wenti // Shenbao yuekan. Vol. 2, N7. 15.07.1933. P. 53–58.
21. Gu Chunfan. Zhongguo jingji gaizao de shixian fangfa // Shenbao yuekan. Vol. 2, N7. 15.07.1933. P. 22–24.
22. Tang Qingzeng. Zhongguo shengchan zhi xiandaihua ying cai geren zhuyi // Shenbao yuekan. Vol. 2, N7. 15.07.1933. P. 59–62.

23. *Yang Duanliu*. Zhongguo xiandaihua zhi xianjue wenti // Shenbao yuekan. Vol. 2, N7. 15.07.1933. P.2.
24. *Chen Binhe*. Xiandaihua de fangshi yu xianjue tiaojian // Shenbao yuekan. Vol. 2, N7. 15.07.1933. P.9–10.
25. *Lin Yutang*. Lun Fo cheng feiji // Lin Yutang. Wu suo bu tan. Shaanxi shifan daxue chubanshe. Xi'an. 2008. P.115–118.
26. *Wu Zelin*. Zhongguo xuyao xiandaihua ma? // Shenbao yuekan. Vol. 2, N7. 15.07.1933. P.7–9.
27. *Huang Min*. Jindai xiandaihua qianguo meng de huayu jiangou // Shehuizhuyi yanjiu. 2014. N4. P.41–49.
28. *Yan Shuqin*. 20 shiji 30 niandai Zhongguo zhishijie “xiandaihua” linian de xingcheng ji neihan liubian // Hebei xuekan. 2005. N1. P.187–193.
29. *Li Huaiyin*. Reinventing Modern China: Imagination and Authenticity in Chinese Historical Writing. University of Hawai'i Press. Honolulu, 2013. xii, 338 p.
30. *Luo Yinpu*. Duiyu Zhongguo xiandaihua wenti de wo jian // Shenbao yuekan. Vol. 2, N7. 15.07.1933. P.30–36.

Статья поступила в редакцию 16 февраля 2015 г.

Контактная информация

Борок Ольга Николаевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник;
borokh@hotmail.com

Borokh Olga N. — Ph.D. in Economics, Leading Researcher; borokh@hotmail.com